

**ГОЛОД НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
И ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА УФСБ ПО СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

В.П. Мотревич
Уральская государственная юридическая академия
E-mail: vladimir.motrevich@mail.ru

На протяжении всей истории Союза ССР голод стоял на втором месте после войн и военных конфликтов в качестве важнейшего фактора демографических катастроф. Голод – социальное бедствие, вызванное недостатком или отсутствием питания. Он существует в скрытой (хронической) и явной (голодовки) формах. Факт голода официально не признавался советским руководством и советской исторической наукой, а источники по данной проблеме были недоступны для исследователей. В настоящее время в историографии имеется значительное количество работ, посвященных проблеме голода в годы Гражданской войны, во времена коллективизации и первые послевоенные годы. Факты массового голода в СССР стали достоянием общественности. Однако голод был широко распространенным явлением и в годы Великой Отечественной войны, причем не только на оккупированных территориях, но и в глубоком тылу. Об этом убедительно свидетельствуют как материалы бюджетных обследований населения тыловых районов страны, так и поступающие в те годы с мест в адрес вышестоящих организаций различного рода справки, докладные записки, отчеты.

С началом Великой Отечественной войны большинство сельскохозяйственных артелей на Среднем Урале оказались в тяжелом положении. В колхозе имени Карла Маркса Пышминского района Свердловской области нарушились севообороты, сократились посевные площади, часть пахотной земли оказалась заброшенной и заросла кустарником. В хозяйстве более чем в два раза сократилась урожайность зерновых, остро не хватало кормов, на свиноферме осталось пять свиноматок. Все жилые производственные помещения нуждались в ремонте. Полы скотных дворов, крыши, внутренние перегородки прогнили, не было средств для покупки стройматериалов [1]. В колхозе имени Сталина Невьянского района остались одни женщины. В 1942 г. на одного трудоспособного там полагалось 70 га облагаемой налогом площади. Закрепленное количество земли колхоз освоить не смог и имел огромную задолженность по всем видам натуральных поставок [2].

Ослабление артельной экономики существенно отразилось на фондах распределения в сельскохозяйственных артелях. В оплате труда колхозников наблюдалась значительная дифференциация. Безусловно, существовали колхозы с более высокой оплатой трудодня, однако при этом 15,1 % колхозов определили к выдаче на трудодень менее 300 г зерновых [3]. При этом часто определенные к выдаче продукты и деньги выдавали не полностью, и артели имели большую задолженность по расчетам с колхозниками. Некоторые артели совсем не оплачивали трудодни. В 1943 г. из 2181 колхозов области 4 не выдавали на трудодни зерновые и бобовые, а 99 – деньги. Что же касается другой сельскохозяйственной продукции, то ее распределяло весьма незначительное количество колхозов [4].

Уменьшение поступления продуктов в счет оплаты трудодней значительно ухудшило питание сельского населения. Личное потребление колхозников в СССР снизилось в 1943 г. по сравнению с 1939 г. по хлебопродуктам на 35 %, мясу и салу на 68 %. Ухудшилось питание крестьян и на Урале. С 1942 г. в регионе уменьшилось потребление хлеба, мяса, масла, жиров, кондитерских изделий и рыбы. Большой редкостью были для крестьян фрукты, на одного в год приходилось в среднем 1,5–2,0 кг фруктов и ягод [5]. Особенно напряженным было положение с сахаром. Большинство зарабатывающих его предприятий находилось на территории, оккупированной в первый год войны. В результате, по состоянию на 2 августа 1941 г. в 12 районах области не было ни одного грамма сахара. По данным бюджетов, в 1943 г. колхозники потребили сахара в 33 раза меньше, чем в 1940 г. [6]. Основным продуктом питания уральского крестьянства в годы Великой Отечественной войны стали картофель и овощи, которых также не доставало.

В докладной записке председателя Буткинского райисполкома в Свердловский обком ВКП(б) отмечалось, что проведенное в мае 1943 г. обследование колхоза им. Ленина Красногорского сельсовета показало тяжелейшее положение большинства крестьянских семей. Крестьянам остро не доставало одежды и обуви, от плохого питания у многих были голодные отеки. Не было хлеба и у колхозников сельхозартелей «Красный партизан», «Ударник» и др. Колхозники ели лепешки из мякины, в кашу добавляли траву и кору [7]. Очень тяжело приходилось малолетним воспитанникам яслей, детских садов и детских домов, расположенных в сельской местности, следствием чего была массовая гибель детей. Так, только в 1942 г. в Свердловской области в колхозных детских яслях умерло от голода и болезней: в Останкинском сельском совете – 30, в Коптеловском – 22, в Бобровском – 18 детей [8]. Питание колхозников ухудшилось в 1942 г. и продолжало ухудшаться в 1943–1944 гг. Только в 1945 г., по данным бюджетных обследований семей колхозников, в деревне наступило некоторое улучшение. Не лучше питалась и основная часть городского населения Урала.

Достаточно полно проблема материального положения населения на Урале характеризуется в аналитических материалах Управления НКГБ по Свердловской области. Документы, хранящиеся в архиве областного управ-

ления ФСБ свидетельствуют о голоде, заболеваниях и смертности на почве дистрофии в годы войны. Так, по данным спецсообщения областного управления НКГБ, в городе Асбест Свердловской области основной причиной смертности и заболевания населения дистрофией было отсутствие в достаточном количестве продуктов питания. Многие рабочие и служащие не имели дополнительных источников питания, помимо централизованного снабжения продуктами, которых остро не хватало. В первом квартале 1943 г. в городе было зарегистрировано 34 случаев смерти от дистрофии, а во втором квартале – 137 случаев, из них 19 детей. В документе отмечалось также, что выделяемые фонды централизованного продовольственного снабжения областными торговыми организациями отпускаются несвоевременно и зачастую полностью не отовариваются [9].

Голод и массовая дистрофия приводили к тому, что на Среднем Урале нередкими были случаи убийства детей и самоубийства взрослых. В подготовленной Управлением НКГБ по Свердловской области докладной записке на имя секретаря Свердловского обкома ВКП(б) В.М. Андрианова сообщалось о том, что колхозница села Катышки Алапаевского района убила двух своих детей в возрасте пяти и двух лет, после чего покончила жизнь самоубийством. В документах указывалось, что за последнее время материально-бытовые условия данной семьи резко ухудшились: хлеба и картофеля она не имела [10]. Другие спецсообщения содержат сведения о случаях каннибализма и трупоедства в военные годы. Так, в спецсообщении начальнику УНКВД по Свердловской области от начальника оперативного отдела Востокураллага НКВД сообщается об обнаружении в прачечной бани Дубровинского отделения Востокураллага НКВД завернутого в шинель трупа заключенного. При осмотре трупа было обнаружено, что от трупа отделены некоторые части тела и вынуты внутренние органы. Арестованный по данному делу другой заключенный признался, что совершил убийство с целью употребления мяса убитого в пищу [11].

Чаще всего жертвами каннибализма становились дети. Так, в рабочем поселке Верхняя Пышма у одних родителей исчезла дочь десяти лет. В результате следствия было установлено, что девочка встретила в магазине соседку и попросила у нее кусок хлеба. Соседка пригласила ребенка к себе домой, где обещала дать хлеба. Там девочка была убита; полученным человеческим мясом эта соседка кормила своих детей, а также продавала его на рынке. В документах отмечались и имевшие место случаи трупоедства. В частности, в результате расследования в селе Черноусово Белоярского района было обнаружено, что одна из проживавших там семей занималась людоедством и продавала на рынке холодец из человеческого мяса. На допросе арестованные показали, что ночью они ходили на кладбище, разрывали могилы и срезали мясо с трупов. Приготовленный из этого мяса холодец употребляли в пищу, а также продавали на рынке. Аналогичные случаи были отмечены в других районах области [12].

Вызванные голодом и выявленные органами НКВД факты людоедства местные власти всячески пытались скрывать. Так, обыск квартир указанных выше подозреваемых производился под видом обнаружения похищенных ими кур. Для предотвращения распространения панических слухов о голоде органам военной цензуры было дано указание о конфискации всех писем, содержащих описание этих и других случаев людоедства [13].

В целом голод был постоянным чувством большинства населения страны в те годы. Уральский писатель Н.Г. Никонов писал по этому поводу: «Иду в школу темной зимней улицей. Мне голодно и холодно.... Голодно потому, что натошак поел картошки без хлеба и немного мутит от этой ранней еды, особенно когда представляю опять вареную зеленую, очищенную от липкой кожуры мелкую картофелину, которую даже обильное макание в сырую соль не сделало вкуснее... Хочу есть, хлеба хочу, черного, остистого, колючего от овса, но хлеба, досыта» [14]. Таким образом, содержащиеся в архивах и рассекреченные в последние годы материалы позволяют всесторонне исследовать различные аспекты материально-бытового положения населения Урала, показать в каких тяжелейших условиях находились труженики «опорного края державы» в военные годы.

Голодными на Среднем Урале были и первые послевоенные годы. Доходы колхозников по трудодням практически не возросли, зато заметно увеличились натуральные налоги на индивидуальное приусадебное хозяйство. Положение в уральских городах красноречиво характеризует спецсообщение УМГБ по Свердловской области, направленное секретарю Свердловского областного комитета ВКП(б) В.И. Недосекину «О высказываниях студентов Уральского индустриального института по вопросу о продовольственных затруднениях», датированное 26 мая 1947 г. Все комментарии этого спецсообщения сводятся к тому, что студенты УПИ массово выражают недовольство плохим питанием в столовых института и постоянным голоданием. Студенты говорят о том, что «раньше хотя бы гнилой капустой кормили, а теперь дают по ложке лапши и немного мерзлой картошки. В результате у многих студентов вместо мыслей о занятиях суицидные настроения» [15]. О том, что им постоянно хочется есть, говорили и обучающиеся в уральском вузе и весьма неприятные в быту студенты из северной части Кореи [16]. Даже тяжелее, чем в военные годы, приходилось и тем категориям горожан, которым с сентября 1946 г. была прекращена выдача хлебных карточек. Правда, массового голода на Среднем Урале, в отличие от других регионов страны, не было, здесь он носил «точечный» характер. Однако в целом в военные и первые послевоенные годы, как горожане, так и сельское население на Среднем Урале жило впроголодь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Крылова З.* Колхоз им. Калинина. Год рождения 1918 / Крылова З., Фунтов А. – Свердловск, 1967. – С. 36, 37.
2. ГАСО (далее – Государственный архив Свердловской области). – Ф. 1824. – оп. 1. – д. 1017. – Л. 2.
3. Там же. – Ф. 1813. – оп. 1. – д. 893. – Л. 1, 11, 12.
4. Там же. – д. 874. – Л. 13, 15, 17; д. 891. – Л. 27, 28.
5. Советский Союз в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М., 1977. С. 556; ГАСО. – Ф. 1813. – оп. 1. – д. 513. Л. 60, 61, 85, 86; д. 516. – Л. 11, 43; д. 517. – Л. 9, 44.
6. Подсчитано по: ГАСО. – Ф. 282. – оп. 2. – д. 786. – Л. 18; Ф. 1813. – оп. 1. – д. 457. Л. 24–27, 66, 67; д. 515. – Л. 2, 3, 34, 35, 77, 87.
7. Там же. – Ф. 88. – оп. 1. – д. 5186. – Л. 227–229.
8. *Мамяченков В.Н.* Материальные условия жизни семей промышленных рабочих и колхозного крестьянства Свердловской области в период послевоенного восстановления (1946–1953 гг.). Историко-экономическое исследование / Мамяченков В.Н. – Екатеринбург, 2009. – С.41.
9. Архив Управления ФСБ по Свердловской области. – Ф.1. – оп. 1. – д. 204. – Л. 58, 58 об.
10. Там же. – Л. 69, 70.
11. Там же. – д. 163. – Л. 48, 63; д. 204. – Л.136, 137.
12. Там же. – д. 163. – Л. 48.
13. Там же. – д. 204. – Л. 32.
14. *Никонов Н.Г.* Дальние берега. Повести / Никонов Н.Г. – Свердловск, 1980. – С. 181.
15. Архив Управления ФСБ по Свердловской области. – Ф. 1. – оп. 1. – д. 300. – Л. 270, 271, 271 об.
16. Там же. – д. 260. – Л. 151–153.